

толкаемыхъ на путь крови и взаимнаго уничтоженія ихъ духовно больными, заблудившимися въ своей национальной ослѣпленности, вдохновителями,— немедленный братскій союзъ народовъ безъ всякихъ «условій», за исключениемъ одного и единствено-мудраго и праведнаго: жизнь во имя разумной любви.

Нынѣшніе «политики», которые такъ утонченно теоретизируютъ сущность, причины и необходимость войнъ, возражаютъ: значитъ, если на меня нападаетъ разбойникъ, то я долженъ стоять, какъ мумія? Или: если нападаютъ на вашу мать или жену—неужели вы будете не противиться злому? Многіе любители споровъ на эту тему оперируютъ всегда аналогичными вопросами, воображая, что, задавъ ихъ, они совсѣмъ сбили съ ногъ противника каскадомъ своихъ крючковатыхъ задачъ.—Если бы на мой домъ напалъ грабитель, какъ бы я долженъ былъ поступить, слушаясь заповѣди, спрашиваютъ они. Спрашивать это все равно, что задать вопросы: что бы вы сдѣлали, если бы, напримѣръ, въ то время, какъ выработали, въ окно вашей комнаты ворвался слонъ и сѣялъ вашу лампу? Что бы вы сдѣлали, если бы во время вашихъ добрыхъ дѣлъ произошло землетрясеніе?—И неужели изъ того, что есть на свѣтѣ убійцы и грабители, слѣдуетъ, что и всякий другой долженъ быть готовымъ ежеминутно сдѣлаться убійцей и грабителемъ?

Мы отвѣтимъ: учение Л. Толстого—это не справочникъ, это не карманній путеводитель по жизни—и всевозможнымъ любопытнымъ туристамъ, заблудившимся въ пустыняхъ или въ дебряхъ политическихъ ухищреній, справки изъ этого учения не выдаются. Это учение содергить въ себѣ сложный рядъ чрезвычайно простыхъ истинъ—о любви, о личномъ самосовершенствованіи, о самопожертвованіи, о религіозномъ воспитаніи, о служеніи людямъ и т. д., и т. д. и прежде чѣмъ вступить въ жизнь, надо, *отличая великое отъ малаго*, проникнуться всѣми частями этого учения, чтобы быть въ жизни духовно зрѣлымъ.

Это учение зоветъ людей къ тому единенію и братству, которое исключило бы возможность существованія разбойниковъ и грабителей. Нынѣшніе соціальные реформаторы, которые пишутъ цѣлые трактаты о податяхъ, о собственности и т. д., создаютъ такія условія жизни, при которыхъ человѣкъ рискуетъ разстаться со своей единственной и великой собственностью—со своей жизнью.

Идеи Л. Толстого зовутъ насъ къ жизни, а не къ смерти,—а что вы, господа націоналисты «наступатели», приготовили для измученного пролетариата? (—Могилу!).

Надо *умѣть любить* человѣка—это высшее знаніе на землѣ. Надо (какъ Будда раненаго лебедя) лелѣять человѣческую личность—свободную и неприкосновенную.

Надо ей отдать все—для того чтобы морально и материально имѣть право на личное маленькое и временное утилитарное земное «счастье», за которымъ теперь только и гоняются.

Все, что истекаетъ отъ «избытка» національного, патріотического, государственного, даже соціалистического (всегда перерождающагося въ узко-классовое) чувства—все это по ту сторону правды, и не видѣть этого могутъ только безумцы или ослѣпленные идеями фанатики.